

ДЕМОКРАТИЯ КАК ПОДАРОК

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

тоже стулья, столы, компьютеры. Нужно различать вещи, необходимые для работы — журналиста, врача, конгрессмена, — и роскошь. У меня, заместителя председателя думского комитета, нет в кабинете ни «вертушек», ни тем более мебели из красного дерева. Это уровень средней депутатской массы. Я знаю вблизи многих политиков: Егора Гайдара, Анатолия Чубайса, Сергея Шахрая, Геннадия Бурбулеса, Александра Шохина, Бориса Золотухина — все они — кроме Золотухина — имели доступ к «государственной кормушке», и я могу ответственно заявить: им ни рубля не накопили строчки. Это честнейшие люди. Я это говорю не затем, чтобы развеять устойчивый миф о сладкой жизни наверху. Я убежден: у многих она есть. Но основная депутатская масса много работает и мало получает.

— А знаете, почему рождаются и живут эти слухи? Потому что народ знает, какие деньги тратятся на ремонт Думы и покупку оборудования, и видит: один депутат флаги рвет, другой маскарадные костюмы меняет, третий орет: «Присоединяйте Луну к России, а то всех перестреляю!», четвертый уже и дорогу в Думу забыл, зато пятый за всех голосует, шестой с седьмым подрались успели...

— Да это к вам вопрос, дорогие друзья журналисты! Это вам интересно показывать клоунов и дебилов, которых в Думе ничтожный процент. Это вы создали феномен русского фашизма. За Жириновским поначалу бегали толпы репортеров, будто он Майкл Джексон. Вам люди в красных пиджаках милее людей в серых костюмах. Я поначалу выступал антиподом этих паяцев, а сейчас перестал: не хочу

превращать Думу в соревнования театров миниатюр.

— Вот видите, какие у нас получаются парламенты... Как вы относитесь к идее отсрочки выборов? Ведь наша страна и так заражена непроходящей предвыборной горячкой от некоторых энтузиастов. А начало новых выборов стопроцентно поставит крест на стабильности и спокойствии в обществе.

— У нас есть некоторые назревшие давно вещи, о которых не принято говорить вслух. Очевидно, что выборы не нужны, что они могут принести неспасительные бедствия. Я-то переживаю не за себя: у меня есть работа по специальности, льгот не

теряю, поскольку и не имел, с голода не умру! Новая избирательная кампания вызовет только зло, дикие траты и кипение страстей. Но у нас, к сожалению, понимают демократию, как некую новую игру, внешние правила которой мы должны обязательно соблюдать. Пусть убивают журналистов и депутатов, пусть горят огни по границам — но выборы проведем любой ценой. Было бы хорошо, если бы эти глупости обошлись тем, что в борьбе и гонениях мы обретем демократическое счастье. А может быть, историки XXI века, анализируя сегодняшние дни, скажут: «Ну и козлы!» И будут относиться к

нам, как мы сейчас оцениваем упущенные возможности Керенского.

— Вам не кажется, что к афоризмам типа «Пусть рухнет мир, но восторжествует закон!», «Я не разделяю ваших взглядов, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели возможность их высказать» пора относиться как к книжной мудрости давнишнего времени и уж никак не строить с них свою судьбу?

— Нет-нет-нет. Все эти афоризмы совершенно мною поддерживаются. Но есть одно правило: каждый живет по средствам. Когда сегодня США наблюдают процесс звезды кино и спорта Симпсона, обвиняемого в убийстве жены, и это главное у них шоу, то ничего, кроме стыда, это не вызывает. Яростная борьба за права меньшинства приводит к ущемлению прав большинства. Это гримасы развитой демократии. Но это дело американцев — пусть сами разбираются.

Но когда мы говорим о нашей стране, то слишком дорогое удовольствие сегодня — нарушение стабильности. Но эти выборы пройдут, хотя они выгодны только врагам демократии и реформ. Есть большие опасения, что к власти придут, возбужденно потирая ручки, силы определенного спектра российской политики, и это будут последние выборы в нашей истории, потому что победители просто перевешают оппонентов.

— Если уж наши демократы, как кролики в пасть удава, покорно лезут на эти выборы, несмотря на то, что прекрасно понимают их опасность, то, может быть, хотя бы перед ее лицом они найдут в себе силы для объединения?

— Если не найдут, то кто-то, вися на дереве, кто-то, уехав в ближнее или дальнее зарубежье, — все они будут вздыхать: «Ах, какие мы были дураки, что не объединились». Это столько раз

было в истории, что не научиться этому — просто даже неудобно.

— Как дела в «Выборе России»? Ведь в последнее время в демократическом движении произошли новые, во многом неординарные перестройки. И ваша фракция тоже не осталась в стороне.

— Работа идет, все как бы движется и существует. Но я не очень знаю, какие переходы, маневры ведутся для достижения далеко идущих политических целей, а какие — распад фракции. Людей стало меньше... А может, это и лучше.

— Вам не кажется странным, что слепое следование демократической процедуре уравнивает академика Лихачева и опустившегося пьяницу? Ведь и академик, и бомж имеют одинаковый избирательный голос. Можно ли доверять судьбу страны людям, которые свою судьбу благополучно загубили? Да и сейчас готовы пойти за тем, кто пообещает дешевую водку или другое решение всех проблем? Ведь в США, например, конституцию принимали только мужчины, только белые, только старше тридцати лет и только обладающие определенным состоянием.

— На нашу страну демократические блага упали сверху. Их словно сбросили на парашюте как помощь для попавшей в засаду страны. А весь мир шел к ним сотни лет через различные избирательные цензы, ограничения и так далее. Мы же получили демократию как неожиданный подарок.

Проблема не в божке, а в отсутствии бытовой культуры, что и дало возможность превратить нашу Думу в посмешище. Раньше в стране был жесткий допуск к государственным механизмам и тайнам политики. Но вдруг четвертая пятая часть человек из самых различных политических спектров получили полный доступ к этим

правам. Хорошо — если б во благо страны. Но когда откровенным уголовникам не дают пообщаться с прокуратурой, прикрываясь депутатским иммунитетом... Вот позор, за которым следят наши избиратели, перестают верить и мажут всех одной краской.

— Семь лет назад, когда слов «спикер» и «менталитет» никто не знал, я был готов полностью отдаться кинематографической журналистике, уже пришел в «Советский экран», но не дождался начальства. И вот сейчас я иногда жалею, что в свое время не остался в «Советском экране». Не потому, что я в чем-то разочаровался, а просто фестивали, съемки и просмотры приносят больше положительных эмоций, чем выборы, съезды и заговоры. Вы не ощущаете желания опять отдаться родной кинематографической среде?

— А я никогда не уходил. И не уйду. Регламент работы Государственной Думы позволяет заниматься творческой и научной работой. Свою работу в Центральном Доме кино я считаю очень творческой.

На раннем этапе нашей демократии политика была не самым изящным занятием — об этом говорили люди помнее, чем я, и это известно с древности. Я не хочу выглядеть героем, который бросается на ветряные мельницы или штурмует баррикады из кукурузных хлопьев, но у меня возникает такое ощущение: если не я — то кто же? если не сейчас — то когда же? А потом будем удивляться, когда получим то, что получим. Умные и честные люди должны понять: если они не придут на выборы, то отдадут свой голос совершенно непотребным личностям.

Беседовал
Михаил ГУРЕВИЧ.

Фото Виктора ВАСЕНИНА.

ДЕМОКРАТИЯ КАК ПОДАРОК

ЮЛИЙ ГУСМАН: «ХВАТИТ ПРЕВРАЩАТЬ ДУМУ В ТЕАТР МИНИАТЮР»

Рос. газ. - 1995 - 20 апр. - с. 1, 2

У Юлия Гусмана много профессий. Врач по образованию, он стал известным кинорежиссером, поставил массу спектаклей и шоу по всему миру. Широкие массы знают его как одного из основателей Клуба веселых и находчивых, менее широкие — как теннисиста, и совсем узкие столкнулись с талантом каратиста. И в то же время Юлий Соломонович засветился в большой политике, когда многие сегодняшние государственные деятели и не помышляли о большой карьере. Еще в 1988 году он приглашал в руководимый им Дом кино зампреда Госстроя СССР Бориса Ельцина обсуждать фильм «Неперсональное дело». Затем в Доме кино заседала Межрегиональная депутатская группа, проводились разнообразные съезды и политические акции. Стоит ли удивляться, что Гусман стал депутатом Государственной Думы от «Выбора России».

— Пропредепутатствовал пятнадцать месяцев, вы собираетесь баллотироваться на второй срок?

— Это вопрос на засыпку. Я буду снова выдвигаться только в том случае, если сочту это необходимым для общего дела. Карьера профессионального политика в условиях ограниченных возможностей для действий лично меня не очень привлекает.

— Что значит «ограниченные»? Вы не можете пробить какие-то свои идеи? Или вообще Государственная Дума — не очень эффективный механизм?

— Нет. Мне кажется, и Дума местами работоспособна, и наша фракция «Выбор России» работоспособна. И не было у меня ни одной объективно полезной идеи, которая не была бы встречена с взаимопониманием, успехом, иногда даже под аплодисментами. Но «ограниченные возможности» — моя личная проблема. Я по своей природе — лидер. Причем мне не высокие должности нужны, а дело. Я не люблю ощущать неостребованность в каком-то вопросе. В Доме кино, Союзе кинематографистов, в организации вручения «Ники», даже на теннисном корте я, к сожалению,

чаще ощущаю свою большую полезность.

Сейчас в России есть две политики. Одна видима даже телезрителям и делается как бы при открытых дверях. Мой хоть и небольшой, но достаточный опыт показывает: на всех уровнях существует некая другая, Главная политика и другие, Главные политики, которые иногда с доброй иронической улыбкой смотрят на статистов политической сцены. Мне очень не хотелось бы участвовать в массовке. Если мне удастся понять свою необходимость и роль на политической сцене, я подумаю об участии в выборах. Если же почувствую, что деятелям культуры по-прежнему отводится роль организаторов массовых праздников, танцев на референдумах и чужих успехов, то, думаю, лучше заниматься своей основной и любимой профессией.

Еще больше мне претят бытующие в народе слухи о сказочных депутатских привилегиях и о создании различных депутатских групп, которые подпитываются и лоббируются теми или ины-

ми финансовыми структурами. Возможно, мне просто лично очень не повезло, но мне никогда не предлагали автомобиль по бросовой цене. Да и по дорогой — тоже никто не подходил. И не покупал никто. Мне, может, очень хочется, но никто не предлагает. Я всегда с интересом узнавал про разные «жидо-масонские заговоры» и думал: что же меня, как еврея, никто не вовлекает? Вроде фигура видная... А теперь и в депутатские заговоры никто не вовлекает. Поехав же однажды по депутатской путевке в санаторий, я с радостью убедился, что советская система «социалистических завоеваний» непоколебима. Вода там была раз в день, да и то не в каждый, а кормили, как в нашей институтской столовой в 64-м году.

— Но в саму Думу зайдешь — постоянно мебель меняют: все лучше и лучше, оргтехника японская, люстры хрустальные, ремонт вечный.

— Ну а зайдете в парламент любой страны — там

(Окончание на 2-й стр.)